На правах рукописи

ДЕГТЕРЕВ Николай Александрович

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРСОНАЖА В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 1860-80-Х ГГ.: АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

10.01.01. Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Череповец – 2022

Работа выполнена на кафедре отечественной филологии и прикладных коммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет»

Научный руководитель: **Володина Наталья Владимировна**

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет»

Официальные оппоненты: **Дмитриев Андрей Петрович,**
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»

Баранов Сергей Юрьевич,
кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет»,

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»

Защита состоится 14 апреля 2022 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Череповецкий государственный университет» по адресу:
162600 г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» по адресу: г. Вологда, ул. Галкинская, д. 1, а также на официальном сайте ВоГУ: https://vogu35.ru/nauka/sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-999- 014-03/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03

Автореферат разослан «____ _____» 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
к.ф.н., доцент С.А. Громыко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Внимание литературоведческой науки к проблемам, связанным с духовной культурой, является одной из главных особенностей современных исследований. Духовная культура – понятие многогранное. Одной из ее составляющих является религиозная культура, которая стала активно изучаться в постсоветское время. За минувшие три десятилетия вышло огромное количество трудов, прямо или косвенно посвященных теме «христианство и русская литература». Среди них можно назвать работы И.А. Есаулова[1], М.М. Дунаева[2], В.А. Котельникова[3], А.М. Любомудрова[4], К.Г. Исупова[5], В.А. Воропаева[6], В.И. Мельника[7] и др.; коллективные сборники «Христианство и русская литература»[8]. Однако при таком обилии работ, посвященных духовной тематике, произведения русской литературы второй половины XIX века о духовной школе практически не попадали в поле зрения ученых. Таких произведений достаточно много: о бурсе/семинарии и их

---

[1] Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе // Электронный ресурс: https://esaulov.net/portfolio/kategorija-sobornosti-v-russkoj-literatur/; он же. Пасхальность русской словесности. – М.: Кругъ, 2004. – 560 с.; он же. Русская классика. Новое понимание // Электронный ресурс: http://classica.rhga.ru/section/russkaya-klassika-segodnya/russkaya-klassika-novoe-ponimanie.html

[2] Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. – М.: Издательский совет РПЦ, 2003. – 1056 с.; он же. Православие и русская литература. В 6 томах // Электронный ресурс: https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaja-literatura-tom-i-chast-1-dunaev/

[3] Котельников В.А. Что есть истина. – СПб.: Пушкинский дом, 2009. – 672 с.; он же. Православные подвижники и русская литература. – М.: Прогресс-плеяда, 2002. – 382 с.

[4] Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

[5] Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. – СПб.: Издательство Российской христианской гуманитарной академии, 2010. – 592 с.

[6] Воропаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии // Электронный ресурс: https://azbyka.ru/fiction/nikolaj-gogol-opyt-dukhovnoj-biografii/; он же. Нет другой двери. – М.: Даръ, 2019. – 448 с.

[7] Мельник В.И. Поэзия Некрасова в свете христианского идеала. – М., 2007. – 112 с.; он же. Духовный путь И.А. Гончарова. – М.: Вече, 2019. – 448 с.

[8] Христианство и русская литература: в 7 т. – СПб.: Наука, 1994-2012.

учащихся речь идет в произведениях Ф.М. Решетникова[9], Н.А. Благовещенского[10], Н.Г. Помяловского[11], И.С. Никитина[12], Н.В. Успенского[13], П. Новицкого[14], Г.И. Недетовского[15], И.Н. Потапенко[16] и др.

Материалом диссертационного исследования стали три наиболее заметных произведения о духовной школе в литературе второй половины XIX века: «Дневник семинариста» И.С. Никитина (1861), «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского (1862-1863) и «Миражи» Г.И. Недетовского (1881).

Актуальность диссертации связана, во-первых, с методологической направленностью исследования: аксиологическим подходом к изучению художественного произведения. Во-вторых, она состоит в том, что работа выполнена в контексте современных литературоведческих трудов, посвященных теме «христианство и русская литература». В центре произведений Помяловского, Никитина и Недетовского так или иначе стоят религиозные проблемы, представленные во всей сложности и противоречивости, в диапазоне, охватывающем описание от искренней детской молитвы до апологии атеизма.

---

[9] Решетников Ф.М. Между людьми // Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. 1. – С-Петербург: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1904. – С. 457-635.; он же. Ставленник // Полное собрание сочинений в двух томах. – С-Петербург.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1904.

[10] Благовещенский Н.А. Невинные забавы (отрывок из романа «Перед рассветом») // Благовещенский Н.А. Повести и рассказы. – С-Петербург.: Издание книгопродавца К.Н. Плотникова, 1873. – С. 191-303.

[11] Помяловский Н.Г. Очерки бурсы / Помяловский Н.Г. Избранное. – М.: Советская Россия, 1980.; он же. Помяловский Н.Г. Долбня // Электронный ресурс: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_1861_dolbnya.shtml

[12] Никитин И.С. Дневник семинариста // Сочинения. – М.: Художественная литература, 1980.

[13] Успенский Н.В. Очерки бурсацкой жизни // Успенский Н.В. Новые рассказы. – СПб., М.: Издание М.О. Вольфа, 1867. – С. 189-208.; он же. Успенский Н.В. Декалов // Электронный ресурс: http://az.lib.ru/u/uspenskij_n_w/text_1862_dekalov.shtml

[14] Новицкий П. Кое-что из жизни заскамейной // «Современник». – 1863. – №6. – С. 241-284.

[15] Недетовский Г.И. Миражи // Отечественные записки. – 1881. – №№ 9-11.

[16] Потапенко И.Н. Овца // Повести и рассказы из духовного быта. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – С. 832-845.; он же. Потапенко И.Н. Надежда и упование // Повести и рассказы из духовного быта. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – С. 798-814.

Объект работы – духовное образование в его связи с духовной культурой персонажа в произведениях Н.Г. Помяловского, И.С. Никитина, Г.И. Недетовского.

Предметом работы является конкретный аспект указанной выше дихотомии духовного образования и духовной культуры персонажа, а именно – соотнесение этих двух явлений, увиденное через призму художественной аксиологии.

Цель работы – рассмотреть, каким образом и с помощью каких художественных средств и решений в произведениях Н.Г. Помяловского, И.С. Никитина, Г.И. Недетовского изображено формирование духовной культуры героев, учащихся духовных школ.

Достижение этой цели предполагало решение следующих **задач**:

– рассмотреть изображение процесса образования в духовной семинарии/бурсе с точки зрения авторской аксиологии и аксиологии персонажей;

– выявить основные черты поэтики названных писателей при воссоздании системы ценностей, которые формируются у учащихся семинарии/бурсы;

– показать, как передано в рассматриваемых произведениях отношение учащихся духовных школ к религии (к ее обрядовой стороне, Священному Писанию и т.п.);

– рассмотреть художественную концепцию общения учащихся духовных школ друг с другом, с учителями, с окружающим их миром и характер ценностных установок, лежащих в основе этого общения.

Научная новизна диссертации состоит прежде всего в том, что тема духовного образования в русской литературе указанного периода исследована недостаточно. Кроме того, выбранные нами произведения изучались преимущественно с социологических позиций, а их авторы оценивались исключительно как писатели-демократы, чья биография и мировоззрение лишены внутренней противоречивости и сложности. Вопросы духовной

культуры персонажей и собственно христианская составляющая в этих текстах не рассматривались.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней находит свое применение разработанное в рамках аксиологического подхода понятие «ценностная поляризация» (см., например, работы Л.Ю. Фуксона); феномены духовного образования и духовной культуры персонажа анализируются в аспекте художественной аксиологии**.**

Методологической основой диссертации послужили работы:

– общетеоретического характера (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, И.Н. Сухих, С.Н. Зенкина, В. Изера, Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского, Л.Я. Гинзбург и др.);

– посвященные аксиологии и аксиологическому подходу в литературоведении (И.И. Докучаева, И.А. Есаулова, М.С. Кагана, Е.В. Поповой, А.В. Филатова, Л.Ю. Фуксона и др.);

– посвященные теме «христианство и русская литература» (И.А. Есаулова, М.М. Дунаева, В.А. Котельникова, В.И. Мельника, К.Г. Исупова и др.);

– о творчестве Н.Г. Помяловского, И.С. Никитина, Г.И. Недетовского (И.Г. Ямпольского, Ф.Е. Савицкого, Н.К. Михайловского, В.П. Острогорского, А.М. Путинцева, Л.А. Плоткина, О.Г. Ласунского, В.И. Кузнецова, Н.П. Ждановского, В.Н. Болдырева и др.).

Основным **методом исследования** в диссертации является историко-литературный. Это наиболее универсальный научный метод, который направлен на изучение текста с учетом широкого внешнего контекста: литературного направления эпохи, биографии писателя, истории общественной мысли, культуры. Принципиально важным является аксиологический подход к выбранным нами сочинениям.

Положения, выносимые на защиту:

1. В центре авторского внимания Н.Г. Помяловского, И.С. Никитина, Г.И. Недетовского находится проблема формирования духовной культуры

бурсаков/семинаристов в условиях духовного образования. Картина мира, изображенная в «Очерках бурсы», «Дневнике семинариста», «Миражах», раскрывает ценностные установки и ориентации персонажей, увиденные через призму авторской аксиологии. Духовная культура персонажа находится в сложных, противоречивых отношениях с системой обучения и воспитания в бурсе и семинарии и, с точки зрения писателей, развивается скорее вопреки, чем благодаря этому образованию.

2. Несмотря на то, что образ бурсака/семинариста уже существовал в русской литературе (у В.Т. Нарежного, Н.В. Гоголя, и др.), Н.Г. Помяловский, И.С. Никитин, Г.И. Недетовский в своих произведениях создают образ социальной среды, которая выступает решающим фактором формирования характера ученика. Эта среда чаще всего вызывает критическое отношение авторов: бурсаки живут в нищете, холоде и голоде, к ним применяются телесные наказания (Помяловский), с их мнением не считаются; преподаватели, как правило, не рассматривают их в качестве личностей (Никитин, Недетовский). В широком смысле невнимание преподавателей к интересам и потребностям бурсаков/семинаристов является конститутивной чертой изображения духовной школы в «Очерках бурсы», «Дневнике семинариста», «Миражах».

3. Поэтика образов бурсаков/семинаристов, создаваемых писателями, позволяет увидеть две основные тенденции в их изображении. С одной стороны, это подчеркнутая беллетристическая типизация: об учениках бурсы периодически говорится как о типах (второй очерк Помяловского так и назван – «Бурсацкие типы»). Это явное повторение принципов изображения жизни, намеченных в очерках писателей натуральной школы («Физиология Петербурга» и др.). Многие семинаристы в произведениях Никитина и Недетовского появляются в тексте лишь во время совершения типичных для семинаристов действий (например, зубрят уроки или кутят). В то же время некоторые персонажи, напротив, выделены из общей массы. Так в качестве индивидуальности, характера представлены бурсак Карась (у Помяловского),

семинаристы Белозерский и Яблочкин (у Никитина). Их образы – в отличие от большинства остальных – сложны, противоречивы, психологически убедительны.

4. Хронотоп произведений Помяловского, Никитина и Недетовского является замкнутым и статичным. В пространственном отношении изображаемый мир ограничен стенами бурсы/семинарии, во временно́м – распорядком жизни духовной школы (урочное, внеурочное время, время трапезы и т.д.). Подобная замкнутость и статичность порождает конфликты, которые могут быть как внешними (начальство – товарищество; конфликты между учениками), так и внутренними (конфликт изначальных представлений персонажа о духовной школе – и ее реальности; внутренний конфликт при выборе круга чтения, в отношениях с товарищами и т.д.). Все эти конфликты, в особенности внутренние, осознаются и изображаются авторами в том числе как ценностные.

5. В аксиологическом аспекте главные герои произведений всегда ориентированы на некий положительный идеал. Этот идеал катализирует развитие сознания героя, является двигателем сюжета, порождает противоречия в отношениях героя с окружающим его миром. Чаще всего этот идеал в итоге оказывается недоступен для героя (университет для Яблочкина и Белозерского в «Дневнике семинариста»; сменяющие друг друга мечты Рокова в «Миражах»). Тем не менее, само наличие идеала как возможности дает героям основание воспринимать себя и свой внутренний мир как ценность.

6. Герои произведений показаны в момент становления как в психологическом или мировоззренческом (дети-бурсаки у Помяловского, семинаристы-подростки у Никитина), так и в социальном плане (выпускник академии и начинающий преподаватель Роков у Недетовского). Это положение героя как становящегося, развивающегося и обреченного на выбор субъекта придает особую остроту внутренним, ценностным конфликтам персонажей, которые оказываются в центре повествования.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при подготовке курсов истории русской литературы, спецкурсов, связанных с аксиологией и русской духовной культурой.

Апробация отдельных фрагментов исследования состоялась на аспирантских семинарах, заседаниях кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, а также в форме докладов на всероссийских и международных конференциях в Череповце, Москве, Костроме, Калуге. Основные результаты исследования изложены в 7 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы состоит из введения, основной части и заключения. Основная часть состоит из трех глав, каждая из которых посвящена отдельному произведению: «Очеркам бурсы» Н.Г. Помяловского, «Дневнику семинариста» И.С. Никитина и «Миражам» Г.И. Недетовского. В заключении подводятся итоги исследования, далее приведен список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяется научная новизна исследования, его цели и задачи, определяются предмет и объект исследования, описываются методы и материал, перечисляются положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, указываются сведения об апробации результатов. Также дается объяснение, почему выбранные тексты («Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, «Дневник семинариста» И.С. Никитина, «Миражи» Г.И. Недетовского) можно отнести к тому среднему слою литературы, который принято именовать беллетристикой. Прослеживается

история изучения в русской литературоведческой науке и критике каждого из выбранных произведений.

В **первой главе** – «Авторская аксиология в “Очерках бурсы” Н.Г. Помяловского» – представлен анализ содержания и поэтики исследуемого текста в ценностном аспекте.

Первый параграф посвящен жанровым особенностям книги Помяловского, исследование которых представляется важным, так как обозначение жанра произведения в его названии не только определяет, по Г.Р. Яуссу, «горизонт ожидания произведения», но и является элементом своего рода литературной игры, включающей в себя отнесение к определенной традиции. На основании исследования жанровых признаков, содержащихся в самом тексте, автономинации, истории развития авторского замысла, упоминаний о жанровых определениях итогового труда Помяловского в мемуарах и иных высказываниях знавших его людей, делается вывод, что «Очерки бурсы» являются многослойным художественно-публицистическим произведением, включающим в себя жанровые особенности физиологического очерка, автобиографической повести и злободневной публицистики.

Во *втором параграфе* исследуются бинарные оппозиции как основа структурной организации «Очерков бурсы». На основе оппозиций построены не только отдельные элементы текста; они влияют на (даже определяют) его содержательное, идеологическое развертывание. Наиболее отчетливо этот принцип выражен на уровне системы персонажей. Основная, проходящая через все повествование оппозиция, – это противоборство начальства и «товарищества», данная оппозиция составляет основу большинства сюжетных коллизий «Очерков бурсы».

В указанном параграфе подробно анализируются конкретные проявления этого противостояния. Проведенный анализ показал, что противопоставление начальства и товарищества в «Очерках бурсы» выполняет не только сюжетные функции, но и насыщено ценностным содержанием.

Антагонистические – бинарные – отношения существуют также внутри самого начальства и самого товарищества. Помимо этого в тексте можно выделить противопоставление «человек – система».

Бинарные оппозиции в «Очерках» прослеживаются и на уровне хронотопа, например, «бурса – дом» и «бурса – город». Если «бурса – дом» и «бурса – город» – это пространственные оппозиции, то на уровне времени существует формальная, но имеющая и содержательные черты антитеза уроков и внеурочных занятий. Если уроки – это скука (для учеников), с одной стороны, и дисциплина (включая наказания), с другой, то внеурочное время – это время игр, шалостей, время, когда дисциплина ослабевает и бурсаков контролируют меньше (чем в урочное время).

Третий параграф, «Сакральное и профанное в “Очерках бурсы”», посвящен оппозиции жизни и смерти, которая напрямую связана с оппозицией сакрального и профанного. Она находится как бы над всеми уровнями текста и организует текст целиком. Методологические трудности, возникающие при определении соотношения сакрального и профанного, рассматриваются здесь же.

Анализируются разные понятия «сакрального», на основании чего делается вывод, что привычное сакральное (как отнесенное к религии) в «Очерках» профанировано, но его место занимает неинституализированное сакральное (сакральное в «онтологическом» смысле, по М. Элиаде).

В «Очерках бурсы» есть некий парадокс. С одной стороны, здесь показаны почти нечеловеческие условия существования бурсаков, долбня, «ужасающая и мертвящая», с другой – разгул жизни. Парадокс этот объясняется тем, что основная, организующая текст оппозиция – это оппозиция жизни и смерти. Смерть как бы царствует в бурсе. Однако воспитывающиеся в такой атмосфере бурсаки противостоят смерти. Противостояние это выражено в разных формах.

Противостояние бурсаков мертвенности бурсы проявляется в эпизодах, в которых можно увидеть элементы карнавализации, согласно осмыслению

этого понятия М.М. Бахтиным (например, пародирование церковных таинств, переиначивание библейского текста). Они и исполняют эту функцию «онтологического» сакрального. И в драках бурсаков, и в пародировании таинств (особенность «карнавала», когда низ и верх меняются местами) проявляются витальные ценности, освобожденные профанирующей иронией Помяловского от религиозного наполнения.

Четвертый параграф первой главы посвящен функциям и видам «чужого слова» в «Очерках бурсы».

«Бурсацкий язык» – это социальный диалект, который по многим параметрам не совпадает с литературным языком и поэтому, будучи объектом художественного изображения, приобретает отчетливые черты «чужого слова» (Бахтин).

В параграфе отмечаются основные особенности социального диалекта бурсаков. Это «профессиональная» лексика: *авдитор, цензор, дьячить, богословский класс* и т.д.; просторечие как «врожденный» пласт бурсацкой речи. Также для бурсаков характерно, например, использование пословиц, раешного стиха, сниженной лексики.

Еще одним признаком бурсацкого языка является ситуативное двуязычие. В «Очерках бурсы» это пародийное, игровое двуязычие. Так, например, бурсаками используется латынь в иронической поэме «Семинариада». Латинский язык также присутствует в прозвищах бурсаков: Ipse (самый, целый), Азинус (осел).

Другой особенностью бурсацкого языка, многократно и многообразно изображенной Помяловским, является ироническое (пародийное) переосмысление библейского текста. Так, например, Ipse говорит оставленному в качестве наказания без обеда бурсацкому вору Аксютке, переиначивая евангельскую цитату: «Эх, Аксен Иваныч… воззри на птицы небесные: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец небесный питает их».

В «Очерках бурсы» есть некоторые случаи употребления «чужого слова», связанные не с библейским текстом, а с текстами художественной литературы: «Словом о полку Игореве», «Униженными и оскорбленными» Достоевского и др. В частности, об учителях бурсы сказано, что они «острием священной хрии вскормлены» (переиначенная цитата из «Слова…»: «А мои ти куряни сведоми къмети: < > конець копия въскръмлени».

В публицистических фрагментах текста автор иногда скрыто полемизирует с современными ему средствами массовой информации.

В целом в «Очерках бурсы», при всем монологизме позиции автора, можно увидеть последовательную ориентацию на «чужое слово». По своему характеру самый многочисленный класс «чужих слов» – это всевозможные отсылки к библейскому тексту[17]. В отношении к нему господствует ироническая установка, выполняющая функции профанации этого текста (и связанной с ним аксиологии) и карнавализации.

В *пятом параграфе* рассматривается частная проблема, связанная с оценкой телесных наказаний в «Очерках бурсы». Помяловскому удается отчетливо обозначить аксиологическую проблематику основного конфликта произведения, возникающего при соположении тем детства и физического насилия в духовном учебном заведении. Конфликт этот отражает общественную полемику начала 1860-х годов о телесных наказаниях, но в произведении остается неразрешенным. Однако писателю важно поставить волнующие его вопросы и вызвать нравственную и эмоциональную реакцию читателя.

Во **второй главе** исследуется поэтика образа героя в повести И.С. Никитина “Дневник семинариста” в ее связи с авторской оценкой духовного образования и духовной культуры.

Первый параграф посвящен жанровому своеобразию произведения И.С. Никитина. Исходя из утвердившегося в науке разграничения открытого и

[17] Отметим здесь, что подобные отсылки существуют практически во всех художественных произведениях о духовной школе.

закрытого текста (внутри единого текста), делается заключение, что функцию развертывания текста в произведении Никитина выполняет «дневник» (или, лучше сказать, «дневниковость»), а завершает его (не заканчивает в композиционном, а завершает в смысловом, тематическом отношении) совершенно иной жанр – художественная повесть.

Во *втором параграфе* идет речь о выборе образования как ценностном выборе героя в произведении Никитина. Главный герой и «автор» дневника семинарист Василий Белозерский и его друг Яблочкин мечтают уйти из семинарии в университет. Для них университет менее всего ассоциируется с возможностью карьеры, он, скорее, – некое сакральное, идеальное место, с которым связаны прежде всего даже не научные, а эстетические и этические их чаяния. Именно эта идеальность, эта нравственная и эстетическая высота и является той ценностной доминантой, которая определяет выбор героя (увы, так и не совершившийся) в пользу университета. И если духовная, семинарская среда воспринимается пошлой и закосневшей, то университет, напротив, – чем-то таким, что способно раскрыть внутренние резервы человека. В каком-то смысле косная семинария выступает символом смерти, а университет – символом жизни. Выбор образования, таким образом, оказывается ценностно поляризованным.

В *третьем параграфе* анализируется «документально-художественный хронотоп» повести Никитина. Именно в нем отчетливо наблюдается взаимодействие дневникового дискурса (развертывающего) и дискурса художественной повести (завершающего). Дифференцируются хронотопы документального и художественного дневника тем, что художественный хронотоп характеризуется завершенностью и организованным развертыванием. Документальный, напротив, не завершен и развертывается стихийно.

Также в параграфе отмечается связь пространственно-временной организации с образом героя произведения. Незавершенность документального хронотопа проявляет себя в тексте через переживания героя

«здесь и сейчас», то есть в длящемся настоящем, которое как временная категория принципиально незавершимо.

Отметим также, что особенности документального хронотопа можно увидеть, лишь подчинившись «экспансии личного бытия» героя. Если же выйти из «текста» Белозерского и подняться на уровень реального автора, И.С. Никитина, то пространство-время становится замкнутым, организованным, а внутренний мир героя – завершенным.

Восприятие окружающего пространства изнутри своей ценностной системы, язык описания мира, настроенный в унисон с аксиологическими установками личности, характерны для документального хронотопа.

Художественный хронотоп обнаруживает себя в повести в иногда встречающемся несовпадении описания пространства с точкой зрения рассказчика, обилии прямой речи героев, изображении событий как бы в реальном времени.

Таким образом, в повести И.С. Никитина «Дневник семинариста» время-пространство объединяет в себе особенности и художественного, и документального хронотопа, а также подчиняется ценностной экспансии героя-рассказчика, «проекции его личного бытия в окружающий вымышленный мир». Если рассматривать пространство-время через призму образа главного героя, можно заметить, что оно развертывается «стихийным», спонтанным образом. Однако если воспринимать его через призму авторского сознания, то есть как пространство-время, развернутое не для героя, а для читателя, то это же самое пространство-время предстает художественно организованным, завершенным. Иными словами, в повести Никитина документальный хронотоп «принадлежит» образу героя-рассказчика, а художественный – образу автора.

Четвертый параграф посвящен кругу чтения главного героя и проблеме ценности художественной литературы. В центре исследовательского внимания в данной части работы оказывается персонаж-читатель. Здесь же возникает проблема «текста в тексте»: «Дневник семинариста» буквально

наводнен упоминаниями о других художественных произведениях русской и мировой литературы. В каком-то смысле «Дневник семинариста» – это произведение о роли литературы в формировании характера главного героя.

Иные тексты представлены в «Дневнике семинариста» несколькими способами. В некоторых случаях упоминаются только имена авторов. Иногда кроме имен авторов упоминаются и названия произведений. В отдельных случаях произведения представлены небольшими фрагментами. Таким способом вводятся поэтические тексты – А.В. Кольцова, Г.Р. Державина, В.И. Майкова, народные песни, светские романсы и т.п. Наиболее важный способ введения текста в текст – это рефлексия автора дневника, семинариста Белозерского, по поводу прочитанного. Так, например, герой повести осмысливает «Мертвые души».

Рассматривается значение введения текстов в текст повести Никитина. Значимыми в этом смысле представляются следующие моменты. Во-первых, сама повесть «Дневник семинариста» вводится в литературный контекст эпохи. Во-вторых, рефлексия Белозерского (а также отраженная, записанная им рефлексия других персонажей) по поводу прочитанного приводит к тому, что в «Дневнике семинариста» возникает и оценка литературы. Также одной из важных задач, которые решаются с помощью введения различных текстов в текст произведения, является (само)идентификация читателя с персонажем-читателем.

Чужие тексты в «Дневнике семинариста» – тексты далеко не случайные. Они образуют собой некий код, декодировать который может только мыслящий, вовлеченный в современный (Никитину) литературный процесс читатель.

Тексты, введенные в повесть Никитина, выполняют также целый ряд функций, раскрывающих образы персонажей. Например, отношение к литературе позволяет персонажам (главному герою, но в отдельных случаях и другим действующим лицам) провести границу, отделяющую «своих» от «чужих».

В отношении «книжной» темы образ Белозерского интересен по двум причинам: во-первых, от его лица ведется повествование (то есть читатель видит непосредственную реакцию персонажа на прочитанные книги), во-вторых, в отличие от профессоров семинарии (которые не читают) и Яблочкина (активного читателя), Белозерский переходит из одного состояния в другое. Также для Белозерского как персонажа характерно такое свойство, как «экстралитературность»: герой, читая художественные тексты, изменяется, начинает по-другому оценивать явления окружающего мира и людей, рядом с которыми ему приходится существовать.

В третьей главе рассматривается духовная культура главного героя и художественные решения, позволяющие раскрыть ее, в повести Г.И. Недетовского «Миражи».

В *первом параграфе*, «Повесть “Миражи” как произведение о духовной школе второй половины XIX века», происходит краткое знакомство с содержанием произведения, полностью не переиздававшегося с XIX века. Исследуются те его особенности, которые позволяют определить его как беллетристику, хотя по уровню художественных и идеологических задач, поставленных автором, повесть, безусловно, претендует на статус серьезной, классической литературы.

Второй параграф, «Экспозиция героя и сюжета в повести “Миражи”», посвящен рассмотрению приемов, использованных автором для того, чтобы познакомить читателя с героем. Прежде всего обращает на себя внимание портрет главного героя, Николая Рокова. Повествователь акцентирует внимание на тех чертах (глаза, овал лица и др.), которые позволяют в самом начале текста создать положительный образ. Отчасти можно увидеть связь изображения Рокова с иконографической традицией.

Недетовский, однако, далек от задачи написать литературное «житие». Он наделяет Рокова и другими чертами, имеющими связь не с собственно христианскими, а скорее передовыми (гуманистическими по своим истокам)

традициями XIX века. В итоге образ главного героя получается двойственным, но не теряет тем не менее свои высокие ценностные характеристики.

Третий параграф посвящен религиозности героя как ценностной проблеме. В произведениях русской беллетристики о духовной школе именно вопрос о взаимоотношениях персонажей с Богом является самым сложным.

Отношения Рокова к вере, к церкви не показаны в повести напрямую, их, скорее, приходится воссоздавать по некоторым косвенным признакам. В работе акцентируется внимание на эпизодах, в которых главный герой принимает участие в богослужениях (во время литургии, во время совершения таинства крещения) и каким-то образом их осмысливает. Отмечаются отдельные – крайне редкие – изображения молитвы (не главного героя, а других персонажей) и ее восприятия Роковым. Анализируется проповедническая деятельность главного героя (который ближе к концу повести становится священником). Следует отметить, что об этой деятельности Недетовский пишет очень кратко и отчасти в ироническом ключе. Отмечаются отзывы других персонажей о Рокове как христианине. По итогам анализа делается вывод, что Рокова можно рассматривать как человека религиозного, хотя его религиозность достаточно специфична, она ближе не к духовному, а к социальному измерению жизни. Тем не менее, вероятно, именно такой тип религиозности был ближе самому автору или же казался ему наиболее релевантным эпохе.

Четвертый параграф посвящен кумулятивности как одному из свойств сюжета повести «Миражи». Понятие кумулятивности, присутствующее в работах В.Я. Проппа, В.Б. Шкловского, Н.Д. Тамарченко, может быть применено к сюжету произведения Недетовского. Сюжет повести состоит из нескольких повторяющихся элементов, структурно и семантически близких, едва ли не тавтологичных друг другу. Эти элементы как бы нанизаны на единую нить повествования и в конце приводят главного героя к катастрофе (которая и составляет завершение кумулятивного сюжета). При этом организация повторяющихся элементов сюжета построена не на событиях,

которые происходят в повести, а на тех темах, которые разрабатывает Недетовский.

Таких тем несколько: духовное образование, положение интеллигента в народной среде, взаимоотношения мужчины и женщины, священство, педагогика. Каждая тема подчинена одной и той же схеме. Сначала Роков строит планы (или же у него есть мечты) – потом соприкасается с действительностью – потом (в силу субъективных или объективных причин) планы рушатся, и определенная область жизни Рокова (карьера, семья, некогда родная деревенская среда) оказывается «миражом». Причем, чем ближе к концу повести, тем такое тематическое членение событийного ряда оказывается очевидней. Если в начале Недетовский пытается из «разнотемных» событий создать некий играющий «ансамбль», то в конце он уже обнажает примененный им прием сюжетосложения, чтобы еще больше подчеркнуть ту функцию, которую этот прием должен выполнить: показать, что жизнь героя постепенно, но неуклонно оборачивается катастрофой. «Нанизывание» таких однородных сюжетно-тематических схем (планы – действительность – крушение планов) и создает в данном случае кумулятивный эффект.

В параграфе последовательно рассматривается развитие каждой из тем. В теме, которую можно обозначить как «духовное образование», показаны мечты Рокова (выраженные им в начале повести): преподавать, усердно изучать предмет, войти в доверие к ученикам, попытаться вырастить их как личностей. Постепенно все эти мечты терпят крах: желание изучить предмет глубже сталкивается с неготовностью учебных программ; желание быть ближе к ученикам, развивать их – с запретом на собрания и чтения вне стен семинарии; желание преподать ученикам научную картину истории Церкви – с отповедью владыки, ценящего малодостоверное (с исторической точки зрения) Предание; желание «свободно и авторитетно» вершить дела в семинарском суде – с бюрократией, бесчеловечностью реального суда. Так

мечты о карьере (или даже служении) семинарского преподавателя оказываются миражом.

Подобным образом разрушаются и другие желания и начинания главного героя. Мечта о семейной жизни заканчивается смертью супруги, желание проповедовать – непониманием прихожан, желание воспитать сына – неспособностью найти с ним контакт, желание помочь близким, живущим в деревне, – невозможностью всерьез повлиять на их бедственное положение. В конце концов все планы и мечты Рокова терпят крах и сам он закономерно приходит к решению о самоубийстве. Не только отдельные стороны жизни, но и сама жизнь главного героя в целом оказывается миражом.

Таким образом, кумулятивность сюжета повести играет важную роль для раскрытия авторской концепции – концепции жизни главного героя как «миража».

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования.

Главной проблемой для Помяловского, Никитина и Недетовского является духовная культура человека и то, как она формируется – или же, напротив, деформируется – под воздействием духовного образования.

Безусловно, для всех троих авторов (правда, для Помяловского в меньшей степени) общим является поиск «нового человека» в церковной среде. Тем не менее трагические финалы судеб героев повестей Никитина и Недетовского говорят о том, что писатели не находят такой тип человека в реальной действительности и поэтому не могут оставить своих героев жить.

Для всех трех произведений характерны общие темы: телесных наказаний, методов обучения в бурсе/семинарии, важности светской литературы. Объединяет всех трех авторов и проблема отношений учителей с учениками.

Ценностные системы персонажей создаются авторами с помощью комплекса художественных решений.

Для «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского характерно построение художественного мира, основанное на бинарных оппозициях

(начальство/товарищество; жизнь/смерть и др.) и на ориентации на «чужое слово» (бурсацкий социолект). В произведении И.С. Никитина важную роль играет взаимодействие жанров (дискурсов) повести и дневника: совмещаясь, они способствуют созданию оригинального документально-художественного хронотопа. В «Миражах» Г.И. Недетовского кумулятивность как свойство сюжета выполняет основную смыслообразующую функцию.

Персонажи Помяловского – дети, поэтому крайне важным для «Очерков бурсы» представляется вся та напряженная активность, которую проявляют персонажи в играх, в физической активности (в том числе связанной с насилием), в «карнавальном» поведении, в придумывании бурсацкого языка и фольклора. Эта активность говорит о витальных ценностях, о сопротивлении детского сознания «мертвенной» бурсе.

Персонажи Никитина – семинаристы, юноши. В их среде – и в «Дневнике семинариста» это отчетливо видно – уже есть разделение на серую, общую массу, которая читает Поль де Кока и устраивает пьяные кутежи, и семинаристов думающих, мыслящих, какими являются Яблочкин и Белозерский. Ценностные установки Яблочкина раскрываются прежде всего в его речи, а также в «книжной» и университетской теме. Белозерский остается сомневающимся, нерешительным героем, для которого, тем не менее, знакомство с Яблочкиным не проходит даром и позволяет сформироваться как личности.

Внимание Недетовского отдано почти исключительно одному главному герою. Его ценностные ориентации автор показывает, «проявляет» через столкновение с народной средой, через взаимоотношения с женщиной, через участие в педагогическом процессе, воспитании учеников, через церковную проповедь. Крайне важным представляется то обстоятельство, что, сталкиваясь с действительностью, ценностная система Рокова рушится. Все идеалы и цели главного героя оказываются миражом. Утратив смысл существования, Роков погибает.

Таким образом, Н.Г. Помяловский, И.С. Никитин, Г.И. Недетовский создают в своих произведениях типологически схожий образ духовной школы и ее учащихся и выпускников. Духовная школа осмысляется авторами с критической точки зрения, очень многие ее элементы кажутся им не соответствующими ни своему времени, ни целям и задачам духовного образования. А персонажи «Очерков бурсы», «Дневника семинариста» и «Миражей» в разной степени, но все-таки все несут в себе противоречивость той действительности, из которой (и от которой) они выходят или пытаются уйти.

Перспективы дальнейшего изучения анализируемой нами темы видятся прежде всего в том, чтобы расширить список исследуемых произведений. Помимо Н.Г. Помяловского, И.С. Никитина и Г.И. Недетовского о бурсаках и семинаристах в XIX веке писали Ф.М. Решетников, И.Н. Потапенко, Н.В. Успенский, Н.А. Благовещенский и др., в XX веке – А.К. Воронский, А.Б. Чертков, в наше время – Н.А. Бернс, иерей Константин Белый.

Кроме того, перспективным представляется сопоставление художественных текстов о духовной школе с мемуарными и дневниковыми свидетельствами (прежде всего XIX века, в XX веке по понятным причинам таких свидетельств значительно меньше) выпускников духовных училищ, семинарий и академий. Такое сопоставление может оказаться полезным как для литературоведения, так и для смежных областей знания.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Дегтерев Н.А. Аксиологическая проблематика телесных наказаний в “Очерках бурсы” Н.Г. Помяловского // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – №1. – С. 126-129.

2. Дегтерев Н.А. Характерные особенности социального диалекта бурсаков в “Очерках бурсы” Н.Г. Помяловского // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – №3(90). – С. 54-61.

3. Володина Н.В., Дегтерев Н.А. Документально-художественный хронотоп в повести И.С. Никитина “Дневник семинариста” // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №4(23). – С. 8-15.

Прочие публикации

4. Дегтерев Н.А. Ирония как способ репрезентации библейского текста в “Очерках бурсы” Н.Г. Помяловского // Череповецкие научные чтения-2017. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2018. – С. 34-35.

5. Дегтерев Н.А. Ситуация спора ученика с учителем в контексте религиозной аксиологии русской литературы XIX века // Stefanos. – 2018. – №3(29). – С. 128-133.

6. Дегтерев Н.А. Евангельские реминисценции в «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского и «Домике на Волге» С.М. Степняка-Кравчинского: «церковное» и «революционное» Евангелие // Духовно-нравственные основы русской литературы. Сборник научных статей. Научный редактор Н.Г. Коптелова. – Костромской государственный университет. – 2020. – С. 48-50.

7. Дегтерев Н.А. Герменевтический потенциал кульминационной сцены повести Г.И. Недетовского «Миражи» // АВТОР – ТЕКСТ – ЧИТАТЕЛЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА. Материалы седьмых международных научных чтений. – Калуга, 2020. – С. 596-604.